

страницы
воспоминаний

ДРУЖБА

Мария ТЕРЕНТЬЕВА

Прочные узы дружбы связывали известного советского писателя Ивана Катаева (1902—1939) и алтайского советского поэта, сказителя и драматурга Павла Кучияка (1897—1943).

Сегодня мы публикуем воспоминания вдовы Катаева, поэтессы Марии Терентьевой, об одном из эпизодов взаимоотношений И. Катаева и П. Кучияка.

ТОРАЧИЙ июль доцветал в Уймонской долине, но все той же первородной свежестью дышал Алтай; высокая трава предгорий казалась голубоватой от влажности, и речная вода хранила колодок поднебесных снегов.

Так начинается рассказ Ивана Катаева «Под чистыми звездами» о людях и природе Алтая, рассказ, наполненный живым ощущением красоты, силы и неповторимости этого края, воздухом и светом алтайских лесов, гор и долин.

Последний в жизни Ив. Катаева рассказ был написан им в 1937 году, сразу после поездки по Алтаю. В поездке сопровождал Ив. Катаева с московскими товарищами алтайский писатель Павел Кучияк, наилучший проводник по труднодоступным горным тропам и перевалам. В путешествии и зародилась дружба между Катаевым и Кучияком.

Но об этом лучше всего рассказал сам Ив. Катаев в своем выступлении на общем собрании московских писателей 31 марта 1936 года.

«Под Москвой, в Голицыном доме отдыха, сейчас живет ойротский поэт Павел Кучияк. Павел — это его крестное имя. При рождении его назвали Итыулак, что значит — Собачий Уши.

Двое старших братьев Итыулака умерли в младенчестве. Их украл злые духи. И вот родители решили обмануть духов: третьего ребенка замаскировать под собаку, чтобы духи на него не похитились. Они придумали для него это имя — Итыулак и продали ему в мочку ушей пучки собачьей шерсти. Укладывая спать в ямку, выкопанную в земле возле очага, — это заменяло колыбель детям Алтая — они пеленали младенца в собачьи шкуры.

Духот упало, провести, молодой Кучияк уцелел.

Отец Кучияка был кам, шаман, то есть обманщик и артист: религия на Алтае успешнее, чем где бы то ни было, прикидывалась искусством. Это был талантливый и полубезумный человек, кажется, в самом деле искавший истину, то в шаманизме, то в православии, то в бурханстве. Под конец ему приидельсь три бурханских всадника на белых конях, он ушел за ними в горы, и там через месяц нашли его труп, растерзанный зверями и птицами.

А сын его, Кучияк-младший, Итыулак, Павел, окончил в Москве Коммунистический университет трудящихся Востока. Ему сейчас 38 лет.

Мне и моим товарищам довелось вместе с ним минушим летом кружить по Алтаю тысячи три километров верхами, и мне кажется, что я узнал его и понял.

Это человек редкой одаренности. В своей Ойротии он олицетворяет собой едва ли не все искусство. Он там единственный член Союза писателей, поэт, прозаик, драматург, критик, наставник подрастающих поэтов, фольклорист, режиссер, он — выдающийся актер, музыкант, владеющий всеми национальными инструментами, и певец, несущий в своей изумительной памяти все песни, все мелодии родной страны.

Но прежде всего и больше всего Кучияк — национальный рапсод-сказитель, и в то же время поэт, печатающий свои стихи.

Пока мы ездил, он рассказывал нам сказку за сказкой, у костра на чочевке, и на ходу, и в седле; он пел былинку за былинкой. И мы поняли скоро, что Кучияк носит в себе огромный и драгоценный груз поэтического богатства своей древней национальности, и это богатство не омертвело в нем, а живет, бродит и постоянно растет.

Народ знает его.

Мы следили: где бы ни появился Кучияк, в самом глухом урочище, в самом заброшенном, одиноком аиле, — всюду обворачивались к нему все лица, и на лицах тотчас всходила улыбка, ему кивали и протяги-

вали трубку и чашку с чаем. И с первой же его фразы все мгновенно оживало вокруг, возникало веселье, душевный подъем и особое напряжение ожидания.

И Кучияк знает свою страну. Он извездил все долины и перевалы как охотник и рыбак, как журналист, как агитатор юрты-передвижки, как рабочий аймачного (районного) парткома, потому что он — не только поэт и артист, но и просто гражданин и строитель своей страны. Чем толще не занимался он в Ойротии! Однажды — правда, недолго — ему пришлось быть даже женорганом аймака, и среди местного населения его звали Айбаба, то есть — аймачная баба».

И когда к нам в дом, в гости к Ивану Катаеву, вошел высокий человек, смуглый и скуластый, и открыто и в то же время застенчиво улыбнулся, мне показалось, что знакомы мы давно. Ведь Катаев, вернувшись из алтайской поездки, много и увлеченно рассказывал о новом своем друге, Кучияке, о его удивительной одаренности, о внимательности, дружеских ненавязчивых советах в пути. Что может больше сблизить людей, чем дорога и общая любовь к искусству? Путешествия вершинами в диких горах, опасности и трудности, и все новые и новые сказания, песни, душа этого края...

Кучияк отряхивал от снега высокую шапку и мохнатую куртку и говорил:

— Вот не думал, что в Москве такая метель. Ветер говорит мне: «Так тебе и надо, кудлугур! Зачем приехал?» — Усевшись, обогрившись, он все еще улыбался: — Я из Новосибирска. Отдал дедовскую сказку в «Сибирские огни». Хорошо жил. Умный человек, писатель Михаил Никитин, беседовал со мной, по городу меня водил и сказал: «Поезжай в Москву. Тут рукой подать». Я отвечаю: «Дорогой друг Иван Катаев пригласил меня. А тут, рукой подать. Вот я и вкатился к вам, как таежный медведь».

На другой день Катаев с Кучияком пришли в национальный сектор Союза писателей. Кучияк был устроен в Дом творчества Литфонда в поселке Голицыно.

К вечеру на встречу с нашим гостем пришли друзья: Николай Зарудин, Борис Губер, еще несколько писателей и журналистов, все с женами. Стало оживленно, тесно. Зашел и Александр Фадеев послушать алтайского певца.

Мне привелось слушать Кучияка, когда он выступал с большой и разнообразной программой в Доме литераторов: пел, показывал яркие сценки с шаманской пляской, смешил и удивлял, помню его успех у столичных литераторов, но больше всего запомнилось мне его первое выступление в дружеском кругу, в домашней обстановке. И не просто экзотика, необычность привлекали в пении Кучияка: в его исполнении было подлинное мастерство, в мелодиях — то протяжных, то диковато-порывистых — упрямая сила и в то же время наивность, детская открытость. В тесную комнату ворвались древний охотничий клич и неторопливые пастушьи напевы. У него был бас, голос необычайной гибкости. Свободно звучало у него горловое пение, вероятно, свойственное алтайцам. Казалось, переливались два разных голоса, мелодия и непонятные слова говорили о чем-то трогательном и значительном. Держался Кучияк оживленно и радостно, чувствовалась природная артистичность. Иногда он коротко и сбивчиво перево-

дил содержание песен, иногда же увлеклся настолько, что забывал об этом.

Когда он кончил, начался оживленный разговор. Говорили, что в алтайской поэзии, впрочем, как и в песнях многих других народностей, добрые силы побеждают зло, ум и доброта торжествуют над жадностью и богатством. Затем была намечена программа пребывания Кучияка в Москве: выступления, вечера, поездки. Фадеев обещал помочь в организации вечеров в Доме литераторов и в Доме народного творчества. А Кучияк, растроганный добрым отношением, раскрыл свои сокровенные мысли:

— Моя мечта — создать алтайский национальный театр. Ездить по самым далеким урочищам, по аилам. Там еще камы-шаманы бьют в барабаны и по мозгам людей. Пусть все, самые бедные и дикие, узнают силу нашего театра, нашей правды.

В начале февраля Кучияк уехал в Голицыно. Небольшой двухэтажный дом в саду Народного дома, в доме всего девять комнат. В столовой за общим, совсем «семейным» столом ведутся интересные беседы. В первый же вечер к Кучияку в комнату зашла директор дома Серафима Ивановна, поинтересовалась, все ли у него хорошо. Было в ней что-то удивительно располагающее, материнское и доброе. И Павел почувствовал себя здесь хорошо. Впервые в жизни — отдельная комната и досуг. Он много работал, писал, переводил и жадно читал. За время, проведенное в Голицыне, как сам он признавался, прочитано было им больше, чем за всю жизнь. Какие неизмеримые ценности открывались ему на сороковом году жизни! Пушкин, Толстой, Горький, Бальзак, Флобер... И не на ходу, не в спешке, не среди десятка других дел, а так, что можно было продумать, пережить, а что-то особенно дорогое перевести на свой родной язык.

И к тому же Кучияк не чувствовал себя одиноким. Люди в доме подобались талантливые и душевные: Египше Чаренц, Мута Джалиль, Эми Сяо, Виктор Финк... Они дружелюбно, внимательно относились к алтайскому рапсоду «Наш интернационал!» — шутил Джалиль, оглядывая это разноликое общество.

Было у Кучияка немало друзей и в Москве. У нас Павел бывал часто. Иногда забегал ненадолго: взять нужную книгу, рассказать о своих делах.

Как-то, вернувшись домой, я застала веселую картину: Кучияк, уже в шапке, порывается уйти, а на нем виснут мой сын Юрка и еще двое ребятнишек.

— Покричи еще, как охотник!

— Расскажи, почему бурндук полосатый?

— Покажи, как медведь бурндучка гладил: «Хороший, хороший!».

— Нельзя, в редакцию «Колхозника» надо!

— А что там будешь делать?

— Буду деньги выбивать.

— Покажи, как будешь выбивать?

Лицо Павла вдруг стало несчастным, почти плавающим, он сел в углу на пол, поджал ноги, закачался, заговорил жалобно:

— Ой, нужда, нужда, плохо. Шестеро детей, мал мала, поить-кормить надо? Пятьсот рублей дадите, все пошло детям! А мне что? Крыша есть, суп дадут... Шестеро мал мала... — причитал он, но мальчишки смеялись. Кучияк вскочил, увидел меня: — Вы думаете, я все шушу, — хитровато подмигнув, сказал он. — Репетирую важ-

ный разговор в редакции «Колхозника».

И, махнув рукой, убежал.

Мартовским прозрачным вечером, когда в городе уже сошел снег и пахнет мимозами, мы втроем — Кучияк, Катаев и я — поехали на концерт в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока). Кучияк был взволнован, в конце 20-х годов он был здесь студентом, учился два года. Пролетело время, сбылись ли мечты, надежды? В полутемном коридоре Кучияк остановился, сказал печально:

— Я тогда встречался с Назымом Хикметом. Очень большой человек и... — он не сразу нашел нужное русское слово, — и трогательный...

Ярко освещенный зал был переполнен. Нас ждали с нетерпением. Выступала самодеятельность: незнакомые пляски, непривычные мелодии неслись со сцены. Кучияк был гостем, почти знаменитостью, и все же близкий всем и облик, и жизнью, совсем свой! Его встретила бурной радостью, овациями, а когда концерт окончился, окружили тесной толпой. Оказалось, что здесь много земляков, и Павел Васильевич, бывший в самых дальних районах Алтая, знал их семью, как говорится, с ними «детей крестил». Посыпалась восхваления, вопросы. Но постепенно серьезные, строгие парни деликатно посторонились, и Кучияк оказался в кольце разрумянившихся девичьих лиц.

— Девушки тебя любят, — пошутил Иван Катаев.

— Еще бы, — серьезно и даже горделиво ответил Павел. — Я им как отец родной. Их понимать надо. Свою первую поэму я написал о девушке-батрачке. Называется «Арбачи».

— А мы читали «Арбачи». Она настоящая советская героиня, — сказала одна из девушек. Черные глаза Павла засияли, он был счастлив.

Как-то мы познакомили Кучияка с нашим гостем из Армении — Геретином Есаяном, начальником политотдела одного из больших плодородных районов. Наши гости оживленно беседовали вдвоем, не обращая внимания на меня, занятую своими делами. Есаян говорил о необыкновенных свойствах нового сорта винограда, о перспективах виноделия, а Кучияк — о новых заповедниках для маралов, о целебных качествах пантов. Каждый доказывал что-то свое, важное, а потом они неожиданно перешли на разговор о русских людях и душевно, с восторженной влюбленностью отозвались об Иване Катаеве.

А он через несколько дней в своей речи (о которой мы уже упоминали), обращенной к московским писателям, говорил:

«...в богатство новых идей, ощущений, фантов, почерпнутое из братской национальной культуры, должно служить писателю постоянным питающим источником мышления и творчества; и это богатство необходимо бесконечно растить, проверять, углублять в непрерывном сотрудничестве и сотрудничестве с этой культурой».

...Проходят величественные годы, я называл бы их годами первого знакомства народов, ранее полюбовавших друг друга заочно и утвердивших эту любовь в совместной борьбе. Вы знаете ту прекрасную вереницу событий, какую я имею в виду. Вот они встречаются — ойрот и армянин, и иной раз выпадает честь самому знакомить их, — встречаются белорус и калмык, лопарь и молдаван, и ведь не на съездах только — для художника, быть может, и это главное, — но у заводского конвейера, в приемной треста, на курорте, наконец, в семье...

...нашей стране соединились их руки в общем труде, все их помыслы, заботы и праздники».